

УДК 94 (477)

Василий Ткаченко

УКРАИНА: ИСПЫТАНИЕ МАЙДАНОМ

В статье анализируются истоки, движущие силы и течение гражданского противостояния в Украине, известного как Евромайдан 2014 года.

Ключевые слова: Евромайдан, Антимайдан, гражданское противостояние, евроинтеграция, международные санкции, виновник кровопролития, идентичность сопротивления, идентичность проекта будущего, “двойная периферия”, “война миллионеров против миллиардеров”, “миллениумы”, “родовой” труд, “самопрограммированный” труд, “титишки”, социальное исключение, политика “сильной руки”, антикриминальная революция.

Летом 2013 года, думая о перспективах евроинтеграции Украины, я был озабочен вопросом зрелости украинского общества, его готовности сделать решительный шаг и порвать с имперским прошлым, которое глубоко засело в мировоззрении определенной части населения нашей страны, вошло в подсознание, жизнь, быт и привычку. Российская империя, к обустройству которой в течение более чем трех столетий украинцы приложили немало усилий после Переяславского договора 1654 года (и в этом они преследовали свой определенный национальный интерес), даже после провозглашения независимости Украины в 1991 году все еще оставалась весомым фактором общественной жизни, заметной составной политической культуры и духовной жизни в целом. В частности это проявилось в процессе фольклорной стереотипизации украинцев в имперской культуре (как русской, так и украинской), где украинцы часто воспринимались как некая экзотическая группа верноподданного “поющего и пляшущего племени”. Яркий пример того – метафоричное изложение Николаем Гоголем в повести “Ночь перед рождеством” встречи запорожцев с Екатериной II, где они пали ниц, отказываясь подняться.

Майдан человеческого достоинства

Апеллируя к метафоре Николая Гоголя, я тогда – за полгода до Евромайдана – выразил свои предчувствия в такой форме: “Знаете ли вы украинскую ночь? Нет, вы не знаете украинской ночи! Особенно это касается ночи перед Рождеством. Да и летней ночи, где до сих пор на всеукраинской Сорочинской ярмарке под окнами хат шатается со свиным рылом *красная свитка*, смущая православный люд призывом “вернуть все богатство народу”. А на призыв встать в полный рост на пути евроинтеграции, некоторые правнуки запорожцев, под дикий хохот Басаврюка, до сих пор традиционно отвечают: “Не встанем, мамо! умрем, а не встанем!”. Однако, прогноз мой все же заканчивался надеждой на то, что “по законам жанра, скоро будет светать... А затем пропоют и третьи петухи” [1].

Дело не обошлось петухами... В ночь с 10 на 11 декабря 2014 года, незадолго до Рождества, на звоннице Михайловского собора послышался гул всех колоколов. В набат били монахи, призывая киевлян выйти на улицы, дабы остановить штурм спецназом митингующих на Евромайдане. Звонили три часа подряд. По словам звонаря – аспиранта Киевской православной богословской академии Ивана Сидора – “Святейший Патриарх Филарет распахнул двери монастыря, а наместник Агапит благословил колокольный звон. Церковь должна быть с народом, она создана Христом, чтобы спасти человечество. Церковь, которая закрывает двери перед людьми – это не церковь”. В этой связи “именно колокольным звоном я пытался прогнать из душ людей тьму и зло, которое там

поселилось” [2]. Киевляне подтянулись на площадь, Евромайдан выстоял, и с первыми лучами солнца спецназ постепенно ретировался в места своей дислокации. Проба сил состоялась, и стало ясно: это воспарил НАРОД, ибо “чтобы взлететь, птица должна стать гордой”.

А что же сильные мира сего? 13 декабря в заявлении, обнародованном пресс-службой СКМ (System Capital Management) от имени самого богатого человека Украины Рината Ахметова ситуация была прокомментирована следующим образом: “Украина и президент (Виктор Янукович) три с половиной года шли по европейской дороге. И за это время было очень много сделано. В Вильнюсе соглашение не было подписано. И у всех возник вопрос – что случилось? Украина взяла паузу? Украина остановилась? Или Украина пошла в другую сторону? Все хотят иметь ясность... Люди стали искать ответы и вышли на Майдан. То, что мирные люди вышли на мирные акции, говорит о том, что Украина – свободная демократическая страна. И с этой дороги Украина не свернет. И это очень здорово. Но то, что в эти дни пострадали люди, это – недопустимо” [3]. Такой комментарий обнадеживал, более того – он как бы поддерживал все происходящее со стороны украинского крупного капитала.

Это дало отмашку ведущим телеканалам крупнейших украинских олигархов. Они вдруг начали освещать события достаточно широко, с претензией на объективность. Во всяком случае, интенсивность подачи материалов была невиданная ранее. Майдан завоевал национальное медиапространство, а вскоре этот украинский феномен стал фактором воистину вселенским. Хотя в ряде СМИ, в том числе и российских, все еще пытались создать имидж Майдана с элементами карнавала. Так, внимание, например, фокусировалось на приготовлении в больших котлах борща на Крещатике и тому подобное. И ведь неспроста. Этот умиленно-этнографический колорит должен был “замылить глаза” и помешать увидеть главное – миллионную демонстрацию протестующих родителей после избивания их детей – пикетировавших студентов в ночь на 30 ноября. Люди пришли отстоять свое достоинство, честь своих детей и будущее своих внуков. И какой же профессиональной близорукостью нужно было обладать, чтобы на ряде телеканалов постоянно уменьшать число демонстрантов до 40–50 тысяч человек, а то даже и до 10 тысяч. То есть, даже не в разы, а на порядки.

Украинская власть тоже старалась в упор не видеть Майдан, не слышать его требований. Надеюсь, что все либо рассосется само собой, либо с помощью штурмовиков, завезенных из юго-восточных регионов страны. Постепенно улицы Киева стали целенаправленно наводнять молодежью из депрессивных предместий Донбасса, их стали натравливать на активистов протестных акций. В столице участились случаи ночных поджогов автомобилей, избивания людей и погромов. Расчет строился на том, что если в городе “посеять мрак и разврат”, то тогда “они у нас спляшут, и не танец маленьких лебедей, а железное болеро, краковяк впрыскаю” (В. Шукшин). А вот когда городские обыватели возмутятся, то сами и попросят власть “навести порядок”. Что и будет сделано.

А тем временем 60-летний участник Евромайдана в своем интервью заявляет журналистам: “Я вам скажу. Вот здесь их просчет. Если бы провокаторы нас не подогревали, может быть, мы бы так долго не держались”. В течение двух томительных месяцев ожидания, чередующихся с попытками “зачистки” Майдана, выстраивались и укреплялись баррикады. Со стороны “Беркута” час от часу применялись светозумовые гранаты и слышались выстрелы, а в ответ летели камни и “коктейли Молотова”. Наконец, 19 января 2014 года, как раз на крещенские святки, наши нарочито набожные власти преступили роковую черту. Появились первые убитые – гражданское противостояние вошло в фазу вооруженного конфликта.

Вот только сейчас еврочиновники из Брюсселя начали проявлять видимые признаки беспокойства – как-никак, а загорелось не где-то там, в Ираке или Сирии, а вот здесь, в Украине, прямо на границе с Евросоюзом. Конечно, было бы несправедливо не отметить, что и до этой вспышки насилия Брюсселем неоднократно принимались различные резолюции, которые “осуждали”, а то даже и “резко осуждали” насилие как таковое. Более того – Украину регулярно посещали еврокомиссары и очень авторитетные уполномоченные. От них постоянно слышались призывы к примирению. Но рядовой украинец нутром чувал, что это все как-то отстраненно и натужно. Чувствовалось, что сытой Европе как бы ни с руки втягиваться в процесс, который ничего доброго не сулил. Одни неприязности. А тут как раз наступают Рождественские каникулы, тут вам разворачивается шопинг, люди едут в отпуска, катаются на лыжах. Что и говорить, Рождественские каникулы для европейца – это святое. Да и поведение официальной Москвы выглядело не лучшим образом – час от часу слышались то предупреждения от различных чиновников, то нравоучения от политиков. И одновременно велись переговоры с Януковичем на президентском уровне за закрытыми дверями. А то вдруг в прессе прошла информация, что на саммите “Россия-ЕС” Владимир Путин как бы невзначай бросил фразу: “Украина принадлежит России, как Кипр ЕС”. Все это повышало и до того перегретый температурный градус на Майдане.

Кто мог из России успокоить сердце? Разве что наша проникновенная землячка-львовянка Лилия Шевцова, которая уже с первых дней противостояния на Майдане ударила в Москве в набат: “Западные демократии и международные институты в параличе... Не понимают, что можно сделать и ничего сделать не способны”. Озабоченный Андрей Илларионов вызывает к российской общественности и в конце января создает “Комитет солидарности с Майданом”. Проблемы Украины регулярно комментирует публицист Дмитрий Шушарин – достаточно профессионально, хотя иногда весьма сомнительно.

Итак, лишь после “кровавого крещения” 19 января Евромайдан стал предметом рассмотрения на заседаниях Всемирного экономического форума в Давосе 22–24 января, на саммите Россия – Европейский союз 28 января, и, в конце концов, вызвал бурные дискуссии на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности 31 января – 2 февраля 2014 года. Как интенсивность, так и высокий уровень переговорного процесса засвидетельствовали, что кризис в Украине перерос локальный уровень парламентского, стал системным и нуждающимся в международном посредничестве.

Речь, конечно же, не шла о том, чтобы в это противостояние вмешивались представители других стран. Более того – такое течение событий было бы крайне нежелательным. Однако нельзя было закрывать глаза и на то, что решение “великих” – США, Европейского Союза и Российской Федерации – относительно будущего Украины становилось все более ожидаемым сценарием. Как отмечал в начале февраля 2014 года известный украинский аналитик Валерий Чалый, “хотя международное посредничество де-факто уже существует”, и “консультации с иностранными политиками выглядят вполне естественно”, однако “для паритета должно быть большее присутствие и со стороны России” [4].

Как это ни печально, но призывы зарубежных модераторов между украинской властью и оппозиций не возымели должного действия. Стихия противостояния затягивала развитие событий в темную воронку какой-то мутной и тревожно ожидаемой завершающей фазы. Окончательную черту невозврата подвела кровавая бойня 18–20 февраля, когда с печерских холмов на улице Институтской, под прикрытием спецназа, профессиональным снайперским огнем стали методично расстреливать молодых активистов Майдана.

И вот только тогда наступил момент истины: ведущие европейские лидеры, политики и эксперты все-таки решились прибегнуть к осуждению насилия в столице Украины. Эдвард Лукас – заместитель главного редактора журнала *The Economist* – дал следующую оценку истокам событий: “если бы не постоянное и усиливающееся давление со стороны России на Януковича, конфликт мог бы быть разрешенным”. Аргументы в поддержку этого тезиса были следующие: “Именно Россия принудила Украину отказаться от экономического соглашения, предложенного ЕС в октябре, начав ущербную торговую войну против украинского экспорта. Именно Россия предложила дешевый газ и выгодные кредиты, когда украинская экономика пошатнулась. Именно Россия предоставила сотни “советников” ключевым украинским структурам и министерствам, включая секретные службы СБУ, чтобы контролировать выполнение ими сценария Москвы. Если бы не безмолвный путч России, украинцам не пришлось бы строить баррикады на улицах, протестуя против злоупотребления властью со стороны нынешнего режима” [5].

Конечно, не со всеми этими аргументами можно согласиться, но принять к сведению в процессе дискурса можно. Главное возражение с нашей стороны – раз уж Украина независимая, то и отвечать за происходящее в первую очередь ей приходится самой. Но подробнее об этом будет ниже.

Досталось от экспертов и Западу: многие осудили ЕС и США за чрезмерную пассивность, неспособности повлиять на действия украинской власти. В частности, глава делегации Европейского парламента в Комитете парламентарского сотрудничества “ЕС-Украина” Павел Коваль заявил: “ЕС проявил грех бездеятельности, не применив надлежащим образом последние несколько недель европейскую дипломатию. Вместо этого они только говорили о планах и высказывали возмущение. Теперь уже слишком поздно прибегать к мягкой дипломатии. Если Европейский Союз решит прибегнуть к санкциям, то они должны идти рука об руку с конкретным планом поддержки экономики и общества. Еще раз обращаюсь к лидерам ЕС ускорить процесс отмены виз для граждан Украины” [6].

Подобные темпы “миротворчества” рассудок отказывался воспринимать. Оказывается, понадобилась сотня убитых и тысячи раненых для принятия Евросоюзом решения о введении визовых и финансовых санкций в отношении представителей украинской власти, ответственных за “невероятное применение силы”. И это сразу же возымело действие. Тут же в Киеве, на фоне непрекращающихся столкновений и кровопролития состоялась встреча министров иностранных дел Польши, Германии и Франции с президентом Януковичем и представителями оппозиции. А в пятницу утром 21 февраля на переговорах, при участии представителей Европейского Союза и России, противоборствующие стороны договорились провести досрочные выборы президента и парламента не позже декабря 2014 года, а тем временем сформировать техническое правительство. Как говориться – процесс пошел, хотя Майдан идею пролонгации полномочий президента вплоть до декабря не воспринял. Полевые командиры-сотники стали готовиться к штурму здания администрации.

К счастью, до нового побоища не дошло. Его результаты могли бы быть непредсказуемы. В одних гнев зажигал горячее желание немедленной атаки, а в других – холодную решимость обороняться до конца. Передавая настроение момента, ведущие украинские журналисты абсолютно идентично фиксировали: “Те, кто ненавидеть не хочет или не умеет, наверное, ушли с Майдана вместе с иллюзиями. Остались те, для кого власть из оппонента окончательно превратилась во врага. Который не берет пленных, предпочитая эфемерной жалости осязаемую зарубку на прикладе снайперской винтовки. Методичный

отстрел, бессмысленный и беспощадный, устроенный режимом в день им же объявленного траура по убиенным накануне, утопил последние иллюзии в людской крови” [7].

Президенту нельзя отказать в интуиции – чутье опять его не подвело. В субботу 22 февраля поступило известие, что Янукович самоустранился от выполнения своих служебных обязанностей и исчез в неизвестном направлении. В итоге всю полноту власти взяла на себя Верховная Рада, новоизбранный спикер которой Александр Турчинов стал одновременно исполнять обязанности президента Украины. Вслед этому решению, на каналах TV появилось обращение, где Янукович заявил о своем непризнании решений Верховной Рады, считая все происходящее в Киеве государственным переворотом, а потому в отставку не уйдет. Но это уже мало кого впечатляло. Большинство его однопартийцев либо сбежали, либо покинули ряды партии, либо, в лучших советских традициях, “осудили его и отмежевались”. Ключевым апофеозом в этом процессе стало заявление Партии регионов, которое озвучил глава парламентской фракции Александр Ефремов. Он назвал Януковича предателем, который и есть виновником кровопролития.

Все это можно было бы воспринять с саркастической усмешкой – виновник наказан, добродетель восторжествовала. Однако... Если бы не усталое и истерзанное от трагических событий украинское общество, которое, наконец, получило передышку. Если бы не героический Майдан, полыхавший огнем и истекавший кровью, положивший на алтарь отечества своих лучших сыновей. И уместным ли в данном случае было досадное заявление Александра Турчинова о том, что протестующие уже могут расходиться?... А Майдан все не уходит, ибо он заявил о себе как нарождающееся гражданское общество, которое пытается остаться активным субъектом политического процесса в формировании новой системы власти: “Никуда мы расходиться не будем! Мы здесь не за их портфели стояли! Наши требования о полной перезагрузке власти еще не выполнены. Не он нас собирал, не ему и распускать!” – такова была реакция активистов Майдана.

Все это во всю полноту ставит вопрос: есть ли у Майдана, а тем более у широких слоев населения Украины понимание тех вызовов современного глобализированного мира, на которые страна должна дать ответ, определяясь со своей новой идентичностью? А по этому вопросу обязательно необходимо достичь консенсуса. Ведь недостаточно провозгласить свою европейскую идентичность – ее форму и статус еще должна принять европейская сторона. И от этого никуда не уйти – так везде и во всем мире!

Итак, кто же мы такие в современном мире? Какой вызов нам брошен и как мы собираемся на него отвечать?

Время периферийного капитализма

Майдан показал, что завет Леонида Кучмы “Украина – не Россия” все-таки восторжествовал и закрепился в сознании и (надеюсь) подсознании преимущественного большинства украинских граждан. То есть – можно считать, что этап “идентичности сопротивления” в основном пройден, а злобу дня сегодня составляет проблема “идентичности проекта будущего”. Пока что таким проектом предлагают считать Соглашение об ассоциации с Европейским Союзом, которое создает рамки для сотрудничества между договаривающимися сторонами. Область сотрудничества обычно затрагивает развитие политических, торговых, социальных, культурных связей и укрепление безопасности. Соглашение об ассоциации ЕС обычно заключают в обмен на обязательство проведения политических, экономических, торговых или судебных реформ. В обмен на это ассоциированное государство может получить беспощадный

доступ к некоторым или всем рынкам ЕС (в частности к рынку сельскохозяйственных продуктов), а также финансовую или техническую помощь.

Все это так, но Соглашение это представляет собой документ на тысячу страниц, который, естественно, никто из граждан Украины читать не будет – это дело специалистов. Однако выполнение этого документа коснется каждого, а в краткосрочной перспективе жизнь едва ли станет лучшей, поскольку любой процесс адаптации всегда болезнен. И к этому необходимо быть готовым. Улучшение может наступить лишь в среднесрочной, а то и долгосрочной перспективе. И чтобы стойко пройти этот этап адаптации, необходимо хотя бы в общих чертах понимать, что иного не дано, что любые полумеры будут лишь усугублять ситуацию и оттягивать час выздоровления. А для этого необходимо осознать, что нынешнее украинское общество тяжелобольно, оно находится в фазе обострения кризиса. Кризис же, как известно, в переводе с греческого – решение, поворотный пункт, или состояние, при котором существующие средства достижения целей становятся неадекватными.

В условиях Украины сущность кризиса состоит в том, что Украина в последние годы (а особенно в последние месяцы) пребывает в зоне двойной периферии глобальной капиталистической мир-системы. Не претендуя на оригинальность, сошлюсь на авторитет Иммануила Валлерстайна, который отверг, казалось бы, незыблемый постулат о продвижении всех стран мира по американскому пути, где каждая страна при старании якобы может достигнуть процветания. На самом деле, существующий мир жестокий и несправедливый. Капиталистическая мир-система состоит из трех составных: ядро, полупериферия и периферия. Между ними складываются отношения “зависимого развития”: путем неэквивалентного обмена выигрывает ядро (развитые капиталистические страны); периферия проигрывает (“третий мир”), а полупериферии (например, так называемые государства БРИК – Бразилия, Россия, Индия и Китай) занимают промежуточное состояние.

Конечно, бывают и исключения, когда ядро считает целесообразным подключить в зону своей заинтересованности ту или другую страну. Так, например, в послевоенные годы свершился ряд чудес: немецкое чудо, японское, южнокорейское, тайванское и т.д. Но это сработал феномен холодной войны – оккупационный американский режим плюс массовые инвестиции в инновационное производство сделали свое дело.

Логично возникает вопрос о местоположении Украины в иерархии стран мира и ее перспективах. В своих работах я неоднократно обращал внимание на то, что из-за отсутствия четкого курса на евроинтеграцию перед Украиной все больше вырисовывается перспектива не просто “мировой периферии”, а “двойной периферии”, где Россия занимает место “полупериферии” Европы, а наша страна скатывается к роли “периферии России”.

Причин и свидетельств тому великое множество. Отметим одну из важнейших. Еще до вступления Януковича в должность, украинский академик Валерий Гец предупреждал, что если взять 133 государства мира (за исключением “большой двадцатки” – G-20), то из них только 20 стран смогли за последние 50 лет сократить свое отставание от G-20. Остальные 113 – не смогли продвинуться никуда. Более того, 43 страны, то есть не меньше половины, имеют по существу формальную атрибутику, полностью попав в зависимость от транснациональных и региональных корпоративных кланов. Академик предупреждал, что пребывая в числе отмеченных 113 государств, Украина очутилась перед угрозой скатиться в число 43 квазисуверенных государств – и в первую очередь из-за недоверия граждан к государственным институтам. Именно из-за дефицита доверия невозможно вывести из теневого оборота

минимум 40 % ВВП (порядка 400 млрд грн.), а также наличных сбережений граждан (от 30 до 60 млрд дол.). Этот гигантский объем дополнительных внутренних ресурсов люди просто прячут от родного государства куда подальше [8].

Понятное дело, что никто из власть имущих этим доводам академика не внял. Было не до того – и президентская “семья”, и другие олигархи умножали свои капиталы. А в стране установился правящий режим бюрократически-олигархического типа, который и знать не желал ни национального интереса, ни потребностей народа. Вместо поиска национального консенсуса путем диалога, власть предпочла другие методы осуществления своего правления, связанные с высокими затратами на содержание аппарата репрессий – спецназа, милиции и органов безопасности, которые стали применять методы внутреннего шпионажа и репрессий против тех групп населения, которые, собственно, никогда и не были прямой угрозой для государства. Ведь именно эти социально активные граждане и вышли на Майдан с пением национального гимна, дабы защитить государство и достичь национального консенсуса. (Кстати, я никогда не слышал, чтобы во время массовых шествий в России пели национальный гимн).

Для полноты картины сошлемся на авторитетное мнение бывшего директора Института стратегических исследований Андрея Ермолаева, который так и не нашел понимания со стороны власти и подал в отставку: “За это время выявилась проблема, которую я считаю ключевой... Государственный механизм оказался разобран на отдельные институты, каждый из которых был приватизирован частным образом. Сегодня мы имеем страну, которой с помощью государственных институтов руководит корпорация. Это уже не корпоративное государство, а нечто иное. В чем это проявляется? Ни один институт не работает так, как он заложен в качестве элемента государственной машины. Простые граждане приходят в суды, и не находят справедливой защиты своих прав. Они надеются на защиту милиции, а сталкиваются с коррупцией и жестокостью. Граждане избирают парламент, но в ответственные периоды он работает как телевизионное шоу, а не законодательный орган страны. Поэтому, очевидно, что всем нам предстоит шаг за шагом воссоздавать государство как систему национальной самоорганизации и самоуправления” [9].

На мой взгляд, было бы упрощением анализировать ситуацию в Украине исключительно в плоскости “власть-народ”. Проблема шире и глубже – она есть не в меньшей мере прямым следствием глобальных процессов, с которыми столкнулась в наши дни периферия капиталистической мир-системы, а тем более страна “двойной периферии”. Как бы ни хотелось повторять некоторые, ставшие сейчас (в отличие от романтики перестроечных годов) хрестоматийными истины, однако придется это сделать. И не в последнюю очередь потому, что и ныне в Украине все еще в ходу и упрощенные схемы трактовки событий Евромайдана как, дескать, “войны миллионеров против миллиардеров”. Это уже ближе к конспирологии, где народ выступает глупенькой жертвой происков группы злокозненных олигархов и казнокрадов. Конечно, есть и первое, и второе, и третье... Но не так, и не в такой последовательности по значимости.

Ныне в активную фазу жизни Украины вошла молодежь, рожденная после провозглашения независимости, над которой уже не тяготеет груз советской эпохи. Вернее – тяготеет, но в меньшей степени. Они как в свое время декабристы – “первое поколение не поротых дворян”. Эта молодежь живет уже в резонансе молодежного “глобального политического пробуждения” (З. Бжезинский). Реагируя на факт появления этого феномена, где роль авангарда принадлежит студенчеству, международная аудиторская и консалтинговая фирма Deloitte вынесла на обсуждение в Давосе 2014 года привлекающую к себе особое внимание тему “Миллениумы” (Millennials) – так называют тех, кто родился

позже 1983 года. Представленный фирмой Deloitte анализ показывает, что многие молодые люди потеряли веру в способность, как государства, так и бизнеса к решению ключевых задач, стоящих перед этим поколением: а именно – обеспечению экономической безопасности, снижению уровня безработицы среди молодежи, доступа к образованию. Пока что репутация и государства, и бизнеса среди молодежи довольно низкая, хотя именно только сотрудничество этих двух составных с гражданским обществом и может обеспечить благосостояние, создавая рабочие места и решая тем самым наиболее серьезные социальные проблемы. В этой ситуации как никогда резко возрастает роль общественных организаций гражданского общества, способных генерировать достойные идеи. Впрочем, до сих пор они не имеют ни достаточных средств, ни надлежащей инфраструктуры для достижения своих целей. Поэтому молодые миллениумы во всем мире требуют перемен, и с этим нельзя не согласиться. Тут достаточно вспомнить, как в странах Запада горели студенческие кампусы в 1968 году.

Выводы консалтинговой фирмы следующие. Во-первых, ответственность за общество больше нельзя возлагать исключительно на правительство. Бизнес-лидеры также должны во все большей степени предлагать молодежи уникальный набор навыков, которые лишь в сочетании с финансовыми ресурсами как государственного, так и неправительственного секторов в состоянии создать мощный инновационный микс. Во-вторых, слова сильных мира сего не должны расходиться с делами. Недостаточно говорить для молодежи правильные вещи – в бизнесе сделка начинается с разговора, но должна заканчиваться деловым решением. И в-третьих, не следует бояться нарушать правила, по которым работали ранее. Если нынешние подходы к решению проблем не срабатывают, то их необходимо оспорить.

В итоге, на Всемирном экономическом форуме была поставлена задача “Изменить мир”: и бизнес, и правительства, и общественные организации гражданского общества должны выйти из своих бункеров и работать вместе – как взаимосвязанные лидеры. От этого никуда не уйти: миллениумы, на которых в 2025 году будет приходиться 75 % мировой рабочей силы, стремятся работать с теми общественными институтами, которые способствуют: (1) инновационному мышлению; (2) развитию соответствующих навыков; (3) делают зримый позитивный вклад в общество. Только на этом пути есть возможность восстановить веру миллениумов – новейшей рабочей силы и выдвинутых ими будущих лидеров [10].

Глобальные мегатренды, обозначенные в Давосе, имеют непосредственное отношение к событиям в Украине. Во всяком случае, они предлагают матрицу для углубленного анализа, как на региональном, так и на национальном уровне.

Миллениумы Украины

Как показывают дискуссии вокруг феномена молодежного “глобального политического пробуждения”, чтобы успешно решить поставленную в Давосе задачу “изменить мир”, необходимо, в конечном итоге, повысить роль, значимость и социальную ответственность важнейшей возрастной группы молодежи – от 15 до 30 лет. Без решения этой задачи невозможно в принципе расширить сферу полномочий гражданского общества. Именно молодежь высших учебных заведений Украины наиболее массово вышла бороться за свое право быть в объединенной Европе. Именно их жестокое избиение выплеснуло на улицы Киева миллионную демонстрацию родителей, достоинство которых было грубо попрано. И это касается не только Украины.

Ряд ученых уже давно обращали внимание на то, что предоставляя определенные возможности в деле социального становления молодежи, обеспечивая их определенными льготами, во многих странах вместе с тем

ограничиваются реальные возможности активного участия юношества в важных сферах общественной жизни. Проблема усугубляется тем, что составляя в настоящее время 18 % населения мира (1,15 миллиарда человек), 85 % миллениумов живут в развивающихся странах с прожиточным минимумом 1–2 доллара США в день. Хотя нынешнее поколение молодежи и является наиболее образованным за всю предыдущую историю человечества, сегодня 113 миллионов детей все еще не посещают школу. Эта цифра вполне сопоставима со 130-миллионной группой совершенно неграмотных молодых людей в современном мире.

Итак, будущее Украины будет определяться, в конечном счете, поколением миллениумов, а потому их проблемы и являются наиболее актуальными проблемами нашего общества. А вот эти проблемы действующая власть и не хотела видеть. Не претендуя на самостоятельное демографическое исследование проблем нашей молодежи, воспользуемся уже существующими расчётами и оценками ведущих украинских исследователей [11].

Действительно, демографическая структура населения Украины не может не вызывать тревоги. Во-первых, шестимиллионное сокращение населения за период 1992–2009 годы говорит само за себя – смертность опережает рождаемость. Во-вторых, на рынок труда постепенно выходят люди, рожденные во время демографического кризиса 1990-х годов, что обостряет ситуацию с притоком молодых кадров: если в 2000 году насчитывалось 11 млн детей в возрасте до 14 лет, то в 2009 их количество сократилось вдвое – до 6,5 млн человек. Как следствие, Украина практически обречена на экономические и инфраструктурные издержки, вызванные второй демографической волной понижения. Сфера образования ощутила это на себе первой, когда в считанные 1990-е годы внезапно опустели детские сады. В третьих, налицо все ускоряющийся процесс старения населения – ныне это около 13 млн пенсионеров.

В итоге, в нулевые годы XXI века в экономике страны трудилось только 44 % жителей Украины. При этом прослеживается тенденция – молодежь пытается избежать трудоустройства в промышленном секторе, где тяжелая работа связана с риском для здоровья и жизни. Она отдает предпочтение финансовому и офисному сектору, торговле и государственному управлению (даже несмотря на невысокий уровень зарплат). Это приводит к обратному эффекту на производстве, где рабочие места подчас занимают специалисты, у которых при других обстоятельствах вообще не было бы шансов трудоустроиться. Все это снижает мотивацию к повышению профессионального уровня рабочих – ибо заменить этот контингент малоквалифицированной рабочей силы практически нечем. А в среде высококвалифицированных специалистов свои проблемы: 30 % молодежи желает уехать из страны, а потому для них проблема безвизового режима Украины со странами ЕС – первоочередная. Подобными настроениями проникнуты и другие группы наиболее образованных, деловых людей.

Отмеченный процесс отражает глобальный раскол на рынке труда: между традиционным “родовым” индустриальным трудом, с одной стороны, и “самопрограммированным” трудом нового информационного поколения (М. Кастельс). Здесь необходимо особо отметить, что линию водораздела между этими двумя видами труда проложило образование. Для представителей “самопрограммированного” труда это не просто учеба, а возможность свободного доступа к высшим уровням образования, то есть – систематическое впитывание новых знаний, пополнение информации, а также нацеленность на приобретение новых навыков в соответствии с технологическими и организационными изменениями. В сфере образования на первый план выходит возможность и способность “перепрограммировать” себя в соответствии с

бесконечно изменяемыми задачами процесса усовершенствования и усложнения производства.

Однако этот контингент обучающейся молодежи сталкивается с объективными препятствиями: потребность в самоорганизованном труде появляется лишь при условии неперенной социальной предпосылки – наличии инновационного производства. Однако старые индустриальные технологии, лежащие в основе традиционной украинской экономики, нуждаются преимущественно в воспроизводстве представителей “родового” труда, которые не имеют возможности да, собственно, и необходимости к самопрограммированию, поскольку от них требуется лишь способность воспринимать и выполнять определенное конкретное задание. Вот эта резкая дифференциация между трудом “самопрограммированным” и традиционным “родовым” содержит в себе серьезные риски и угрозы, которые и выявили себя в час украинского Евромайдана. По одну сторону баррикад мы увидели студенчество ведущих университетов, по другую – малообразованную молодежь депрессивных регионов страны, так называемых “титушек”.

Кстати, последние должны бы стать объектом специального исследования, ибо они во время Евромайдана оказались одним из наиболее ярких примеров сращивания власти и криминалитета в борьбе против народа. Как объяснил в Интернете на условиях анонимности источник из правоохранительных органов, против Майдана действует три вида “титушек”: “Первый – это настоящие “титушки”, гопота, дети бедных окраин. Второй – участники бандформирований типа харьковского “Оплота”, а также ранее судимые, в основном из Донецкой области, состоящие на учете в МВД, которых направили в Киев их милицейские кураторы. И третий – это сотрудники оперативного состава МВД – уголовного розыска, службы борьбы с экономическими преступлениями, УБОП, “наружки” и т.д.” [12].

А в целом общемировая тенденция рынка рабочей силы, в русле которой движется Украина, связана с перемещением количества занятого населения из аграрного и промышленного сектора в сферу услуг. Лидером по многочисленности сотрудников в наши дни являются такие сферы общественного производства: “торговля, ремонт автомобилей, бытовых изделий и предметов личного пользования” – 22 %. На втором месте “промышленность” – 18,5 %, а на третьем – “сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство” – 15,8 %. Далее, со значительным отрывом в количестве рабочих мест, следуют: “образование” – 8,1 %; “отели и рестораны” – 7 %; “охрана здоровья и предоставление социальной помощи” – 6,5 %; “финансовая деятельность, операции с недвижимостью, аренда, инжиниринг и представление услуг предпринимателям” – 5,5 %; “государственное управление” – 5 %; “строительство” – 5 %; “предоставление коммунальных и индивидуальных услуг” – 4 %; “транспорт и связь” – 2 %.

Насколько эта структура занятости соответствует велению времени? Как показывает жизнь, низкий уровень инноваций в процессе производства сказался на деформации структуры занятости. Обнажилась главная проблема – низкий квалификационный уровень наемных сотрудников в количественно наиболее многочисленных секторах экономики. Так, в торговле наемный труд, где еще можно влиять на уровень квалификации, составляет лишь треть от количества всех занятых, а основную долю торгового люда представляет собой так называемое “самозанятое” население на базарах. Характер их работы делает людей инертными – они теряют там даже ранее приобретенную квалификацию (старшие из них – преимущественно бывший научно-технический персонал среднего звена). Сходная ситуация наблюдается и в аграрном секторе, где свыше 60 % – это население, живущее за счет своих индивидуальных подсобных

хозяйств. Молодежь сельский труд совсем не притягивает – они преимущественно мигрируют в города или райцентры, хотя и там “выбиться в люди” им удастся далеко не всегда.

Те же специалисты, которые и внедрились в перспективные отрасли экономики, также подвергаются определенному риску – профессиональные приоритеты на переломе тысячелетий менялись неоднократно. В советские времена были престижными специалисты военные, инженерно-технические, врачебные, преподавательские, экономические... В девяностых ориентировались на специальности, приносящие доход: экономист, бухгалтер, переводчик, программист, юрист... В нулевые годы XXI века появилась мода на маркетологов, PR-специалистов, рекламистов... Поскольку каждая волна спроса длилась относительно непродолжительное время, то часть людей просто не успевала адаптироваться к требованиям рынка, а в итоге оставалась выброшенной за борт экономически активного населения. Включить их в рынок труда очень сложно – хотя бы даже из-за нарастания психологических надломов. Те же, кому удалось трудоустроиться в престижные зарубежные кампании, очень часто испытывают дискомфорт из-за относительно малых зарплат, по сравнению с их зарубежными коллегами. В частности, это наблюдается в сфере информационных технологий, специалисты которой на 95 % работают на зарубежные кампании при относительно низкой по международным меркам заработной плате.

Все это еще раз подчеркивает превращение сферы образования в важнейший рычаг социально-экономических преобразований, а студенческую молодежь – важнейшую составную политических процессов страны. Прослеживается определенная закономерность: наличие высшего образования в реалиях сегодняшнего украинского рынка – это непременная и необходимая инвестиция в будущее специалиста. Социологические исследования свидетельствуют, что самый низкий уровень безработицы зафиксирован как раз среди людей с полным высшим образованием. В тех домохозяйствах, в которых имеется хотя бы один человек с высшим образованием, более низок риск бедности. Однако, при всем этом заработные платы “белых воротничков” в Киеве в среднем вдвое ниже, чем в столице России и в четыре-пять раз ниже, чем в Великобритании. Это сказывается на производительности труда. Согласно социологическим опросам, около 42 % граждан Украины признают, что могли бы трудиться лучше, если бы при этом увеличивалась их заработная плата. Около 8 % честно заявляют, что на работе они целенаправленно стараются сделать как можно меньше. И только 15 % наших соотечественников считают, что выкладываются “на все 100 %”.

Итог оказывается печален. Десятки и сотни тысяч людей постоянно находят и теряют свое рабочее место, скатываясь зачастую в структуры теневой, если не криминальной экономики. Это сказывается на личностных кризисах, провоцирует болезни, тяготение к наркомании/алкоголю, грозит потерей сбережений и попаданию в кредитный капкан. Увеличивается прослойка людей, где грань между социальным исключением и ежедневным выживанием все больше размывается. Часть бывшего советского сегмента специалистов и научно-технических работников все еще пытается удержаться на плаву, не скатиться вниз до уровня люмпенизированной рабочей силы социально недееспособных людей. Вместе с тем выстраивается настоящая спираль выталкивания людей из производственного цикла (да и настоящего социального исключения!), которая тянет к личностной деградации.

Итак, образовательный ценз внес с собой раскол, как в социальную структуру труда, так и политическое противостояние образованной и малообразованной молодежи. Он зримо усугубляет размывание не только остатков классовой, но и нарождающейся национальной солидарности. Более того, этот ценз провоцирует

социальное исключение целых потенциально богатых сегментов общества, чьей ценностью до сих пор пренебрегали, чья значимость как производителей/потребителей была не востребована или примитивно игнорировалась. И наоборот, малообразованная молодежь депрессивных регионов примитивно использовалась в качестве “штурмовиков”.

Объективно миллениумы политизируются повседневно и ежечасно. Одни стали понимать, что если не займутся политикой, то политика так и будет их доставать каждый день. Не зря одним из наиболее употребляемых понятий при интервью на Майдане было – “ДОСТАЛИ”. Однако есть и другие – молодежь, живущая “по понятиям”, которые привили им кураторы депрессивных районов. И те, и другие поставлены перед выбором альтернативы: какая система власти и форма государственности являются наиболее приемлемыми для них? Судя по всему, узкоспециализированный труд, связанный с индустриальным производством, тяготеет к политике “сильной руки”. И наоборот: самоорганизованный труд информационного общества тяготеет к децентрализации властных полномочий и созданию современной геометрии демократической власти.

Вот это соединение, казалось бы, несоединимых понятий в своеобразный микс и дало основание известной организации Freedom House в 2013 году отнести Украину к странам “гибридного режима” с индикатором наиболее низкого уровня демократии. Если говорить образно, то Украину по уровню демократии приравнивали к Замбии и Южному Судану. И в этом нет значимого преувеличения – спецподразделения “Беркута”, например, вели себя в противостоянии с Майданом не хуже, чем распоясавшиеся “тонтон-макуты” Дювалье на Гаити. К слову сказать, специальные подразделения милиции гражданской безопасности “Беркут” в Украине уже ликвидированы, и не стоит удивляться, где многие из их кадрового состава трудоустроятся. Понимание неестественности состояния уровня демократии в Украине вдруг озарило после Майдана даже председателя Донецкой облгосадминистрации Андрея Шишацкого, который заявил 25 февраля о том, что “к смене власти в стране привела диктатура”. К чести науки, чиновник признал, что “события в Украине развивались так, как описано в книге Джина Шарпа “От диктатуры к демократии” [13].

Но это не снимает главного вопроса – в течение трех месяцев Украина находилась в состоянии острого гражданского противостояния со вспышками применения оружия против манифестантов. Одна часть украинских граждан формировала ядро Евромайдана, а других граждан власть использовала как социальное наполнение Антимайдана. С кем же была солидарна общественная мысль Украины? На конец января, когда судьба Майдана еще не была определена, предпочтения разделились таким образом: Евромайдан поддерживало 50 % украинцев, а Антимайдан – 27 %. Конечно, это отношение различное в региональном разрезе: в Западном регионе Евромайдан поддерживало 80 % (не поддерживало – 7 %), в Центре – соответственно 63 % (28 %), на Юге – 20 % (71 %), на Востоке – 30 % (65 %). Антимайдан поддерживало на Западе 3 % (не поддерживало – 89 %), в Центре – соответственно 14 % (75 %), на Юге – 54 % (22 %), а на Востоке – 43 % (38 %) [14].

Осмысливая пережитое, можно ли было в этой ситуации ставить вопрос: “кто кого”? Ведь это – два контингента преимущественно молодых граждан одной и той же Украины! Именно им суждено осуществлять и адекватно ощущать на себе “общность исторической судьбы”. Надо было очень постараться, чтобы разбудить ненависть в этих молодых сердцах, преследуя свою корысть и отсекая

тем самым Украину от цивилизованного мира. А потом еще и обвинять миллениумов в экстремизме.

Распадется ли страна на составные части, как это пророчат некоторые политтехнологи? Насколько люди ощутили себя настоящими гражданами Украины? Насколько Украина устойчива в своем выборе демократического строя, европейских ценностей свободы и справедливости? Родились ли мы уже как политическая нация? И, в конце концов: когда же мы “научимся жить вместе”? Все эти вопросы заслуживают отдельного рассмотрения.

Региональный тренд

Итак, что же мешает гражданам Украины “научиться жить вместе”? Не в последнюю очередь, массированная информационная война, невиданно обострившаяся в ходе последних событий вокруг статуса Крыма. На авансцене общественной жизни Украины появилось мародерствующее племя циничных политтехнологов, пытающихся “кроить из блохи голенище” (В. Шукшин). Уводя общественное мнение от противоречия между трудом и капиталом, между трудом “самоорганизованным” и трудом “родовым”, они подхватывают старую песню о каком-то “цивилизационном расколе” Украины, который должен неминуемо поразить это якобы “искусственно созданное лоскутное государство”. Разнообразные специалисты по кризисному управлению Украиной оглашают как непреложную истину, что раскол в Украине – это свершившийся факт, ибо никогда ментальность людей из Донецка не совпадала и не совпадет с ментальностью львовян. Что уже говорить о Крыме, который, мол, в 1954 году был просто подарен Хрущевым Украине (это отдельный вопрос, который касается целой череды территориальных изменений между Украиной и Россией в годы советской власти, в частности, приращение территорий Курской, Воронежской и Ростовской областей за счет земель, раньше входивших в состав Украины).

В обозначенном контексте вопрос об общности исторической судьбы украинского народа как “граждан Украины всех национальностей” (преамбула Конституции Украины) приобретает особую актуальность и остроту. Даже с поправкой на навязанное нам с имперских времен (и присущее до сегодняшнего дня) понимание толерантности как терпимости, доходящей вплоть до грани самоуничтожения. Действительно, в период стабильного развития к идее “раскола Украины” общественное мнение, как правило, относилось довольно снисходительно – как к одному из экзотических сценариев кучки политтехнологов, желающих дешево пропиарить себя и приобрести пусть и скандальное паблисити. Однако в период системного кризиса, когда в обширных регионах Украины зримо происходит захват административных зданий, а в средствах массовой информации рефреном зазвучала идея утраты страной территориальной целостности – большинство людей такие прогнозы пугают, пусть они и излагаются в “цивилизированных” обертках якобы необходимой федерализации страны.

Впрочем, каждая проблема имеет свою историю. Так и идеи федерализма в Украине далеко не новы. Не усматривая сто с лишним лет назад ближайшей перспективы отделения от России, многие украинские общественно-политические деятели конца XIX – начала XX века видели выход для своего народа в федерализации России и в дальнейшем постепенном наращивании потенциала украинского возрождения в рамках существующего государства. Общеизвестно, что в первом Универсале Центральной Рады от 10 (23) июня 1917 года был заложен тезис о неотделимости Украины от России, а провозглашалась лишь ее автономия. Украинцы были не одиноки в оценке недостаточно вызревшего потенциала своей независимости – подобные настроения царили и среди других национальностей России, даже среди части поляков и финнов.

Поэтому на съезде народов и областей России, который был созван в Киеве 8–15 сентября 1917 года по инициативе Центральной Рады в составе 86 делегаций различных регионов бывшей Российской империи, была принята резолюция “О федеративном устройстве Российской державы”. В ней речь шла лишь о необходимости отказа от чрезмерной централизации законодательной и исполнительной власти России и целесообразности перехода к федеративному обустройству государства. Кроме того съезд выступил против русификации народов бывшей Российской империи, за их право на родной язык, широкое развитие национальных культур. Русский язык при этом признавался общегосударственным, а на местах предусматривался принцип добровольности установления того или другого языка.

От идеи федерализма Центральная Рада отказалась лишь с принятием 9(22) января 1918 года IV Универсала, который провозглашал самостоятельность и независимость Украинской Народной Республики. Вернее – вопрос о федеративных связях с республиками бывшей Российской империи был оставлен на последующее рассмотрение Украинским учредительным собранием. На повестку дня были вынесены вопросы, не терпящие отлагательств: Универсал назначал пере выборы местных органов власти; устанавливал сроки передачи социализированной земли – к началу весенних работ; провозгласил государственный контроль над банками и важнейшими отраслями торговли; обязал Раду Народных Министров немедленно приступить к модернизации промышленности. Однако, при этом было провозглашено о полном роспуске армии и организации вместо нее народной милиции. Последнее решение оказалось фатальным – 29 апреля 1918 года власть Центральной Рады была низвергнута, и в Украине был установлен режим гетмана П. Скоропадского. В конце концов, дело дошло до победы большевиков и образования СССР, в пределах которого Украина приобрела статус “всесоюзной кочегарки” (В. Ленин).

После провозглашения независимости Украины в 1991 году идея федерализации Украины неожиданно всплыла, когда лидер Народного Руха Украины Вячеслав Черновол инициировал созыв так называемой Галицкой ассамблеи. Хотя эта ассамблея и послужила одним из катализаторов украинской независимости, она же впоследствии и дала повод для обвинений Черновола в сепаратизме. В конечном итоге, с принятием в 1996 году новой Конституции, Украина утвердилась как независимое унитарное государство. В период президента Леонида Кучмы вопрос о федерализме, казалось бы, был снят навсегда.

Однако, в период “оранжевой революции” 2004 года инициаторы федерализации уже появились на востоке страны. В частности, Луганский облсовет предложил создать Юго-Восточную Украинскую Автономную Республику (ЮВУАР) и обратился за поддержкой к Москве. Кроме того, участники съезда Партии регионов в Северодонецке решили поставить этот вопрос на референдум. На ситуацию надо было как-то реагировать. По итогам северодонецких инициатив было возбуждено уголовное дело, которое, впрочем, впоследствии было закрыто. Накал страстей поутих, хотя и поднимался впоследствии некоторыми депутатами в виде законопроекта о децентрализации власти [15].

Глобальный кризис капиталистической мир-системы, приобретший в Украине форму системного кризиса, снова вынес на повестку дня тезис о “разделе Украины”. Главным образом он стал прерогативой целого сонма разнообразных “экспертов” на страницах Интернета, вплоть до астрологических прогнозов небезызвестного Павла Глобы. Казалось бы, этими писаниями можно было бы и пренебречь, если бы они не оказывали влияния на формирование неадекватного восприятия реалий украинской жизни в общественном сознании. В частности,

представители “восточного лагеря политехнологов” прибегли к своим излюбленным экономическим аргументам, которые якобы неопровержимо свидетельствовали о том, что восточные области – Днепропетровская, Донецкая, Запорожская, Луганская и Харьковская – всегда были и остаются регионами-донорами бюджета. А Галичина и все прочие “западнцы”, дескать, всегда были и остаются иждивенцами на государственной дотации. То есть, обществу навязывалось мнение, что пока представители западных областей Украины организуют всевозможные демонстрации и бастуют, то в это же время жители восточных областей Украины работают и кормят всю страну.

Однако взвешенный анализ показывает, что это утверждение ныне далеко от истины. Уходя от оценок украинских экспертов, которых при желании кто-то мог бы обвинить в политической ангажированности, обратимся к независимому анализу известного российского экономиста Андрея Илларионова. Проанализировав региональную структуру распределения населения и экономической активности в современной Украине, он пришел к выводу, что в последние два десятилетия между макрорегионами Украины (Запад и Центр в сравнении с Востоком и Югом) произошли весьма серьезные, можно даже сказать, тектонические сдвиги.

Это видно, прежде всего, по динамике Валового регионального продукта (ВРП). Так, за его словами, “за 17 лет кумулятивный экономический рост на Западе и в Центре был почти вдвое более быстрым (прирост ВРП на 60,7 %), чем на Востоке и Юге (на 35,2 %). Прирост производительности труда на Западе и в Центре также был более высоким, чем на Востоке и Юге, так что относительные уровни производительности труда (относительно среднего уровня по Украине) поменялись на противоположные. Если еще в 1995 г. Восток и Юг имели более высокий показатель ВРП на душу населения, чем Запад и Центр (101,6 % против 98,5 %), то в 2012 г. уже Запад и Центр заметно опережали по этому показателю Восток и Юг (на 9,1 %, 104,3 % против 95,2 %). Изменение соотношений в межрегиональных уровнях доходов на душу населения происходили в том же направлении, однако с заметным запаздыванием по времени и масштабам. Опережение Запада и Центра над Востоком и Югом является минимальным (на 2 %). Таким образом, можно сказать, что в настоящее время перераспределение финансовых потоков идет, похоже, с Запада и Центра в пользу Востока и Юга. Тем не менее, изменения демографической макроструктуры Украины соответствуют изменениям в структуре экономической активности. Если в 1992 г. на Западе и в Центре проживало 51,4 % всего населения страны, то в 2012 г. этот показатель увеличился до 52,9 %” [16].

Данные украинских СМИ подтверждают эту тенденцию. К примеру, Донецкая область за первые полгода 2013-го получила из госбюджета больше, чем ему отдала. Обогнал ее в этом только Киев. В то же время Львовская область перечислила в госбюджет на 356 миллионов гривен (80 миллионов долларов) больше, чем получила от него. На одного донетчанина на шесть месяцев прошлого года пришлось 2 126 гривен, перечисленных области из госбюджета, а на каждого львовянина – 140 гривен. В бюджете 2014 года на поддержку шахт в Донбассе опять предусмотрено около 16 млрд грн., да и восстановление инфраструктуры (дороги, объекты ЖКХ) также происходит за счет госбюджета. Без поддержки центра Донбассу пришлось бы очень туго. В итоге, как подсчитали журналисты, реальных “кормильцев” в Украине осталось только три – Харьковская, Днепропетровская и Полтавская области. При этом последнюю область в привычном понимании уж никак нельзя было отнести к “востоку” страны [17].

Приведенные данные в какой-то степени отражают и объясняют тот политический сдвиг, который произошел в Украине после “крещенского противостояния” 19 января 2014 года, когда “Правый сектор”, проигнорировав

предостережения лидеров мирного Евромайдана, перешел к силовому противостоянию с бойцами “Беркута”. Эти события, судя по всему, напрямую были связаны и с захватом зданий областных администраций во Львове, Ровно, Ивано-Франковске и в Тернополе, а также последовавшими за ними событиями на Вольни, в Черновцах, на Полтавщине и в Черкасах. Некоторые политологи тут же дали оценку этим акциям: их следует рассматривать не как свершившийся сепаратизм, “но как возможное начало процесса, который может окончиться переустройством Украины по типу конфедерации или федерации” [18].

Есть ли в этих действиях желание развалить страну, или же “общность исторической судьбы” Украины возобладает, и стороны не перешагнут “красную линию”? Эксперты высказывали различные версии, но преимущественно они сводились к тому, что риск распада, хотя и незначительный, все же постоянно присутствует. Речь шла о возможном силовом сценарии развития событий и варианте введения в Украине чрезвычайного положения. Но все же, и при существующем на январь – начало февраля 2014 года состоянии практически все эксперты сходились в том, что разделение страны при существующем положении не выгодно никому.

За территориальное единство на пути евроинтеграции в период силового противостояния выступили и украинские олигархи. В упомянутом выше интервью от 13 декабря Ринат Ахметов призвал политиков сесть за стол переговоров, дабы не допустить возможного раскола страны: “Я убежден, что сейчас, в сложный момент для нашей страны, очень важно иметь холодные головы и взвешенный подход. Одним словом, должен победить здравый смысл. Я – за сильную, независимую и целостную Украину. Мы – одна страна, и ее делить не нужно. Я – за стол переговоров. Чтобы политики, власть, оппозиция, моральные лидеры страны сели за стол переговоров и приняли то решение, которым мы будем гордиться. Повторюсь, гордиться, а не стыдиться. То решение, от которого выиграет Украина и каждый украинец как в краткосрочной, среднесрочной, так и долгосрочной перспективе. Этот стол я бы назвал столом мира, компромисса и будущего нашей страны. И пусть за этим столом политики потеряют свои рейтинги. Но самое главное, чтобы рейтинг Украины пошел вверх” [19].

Такая постановка вопроса соответствовала злобе дня. Национальная идентичность Украины – центральный вопрос, которым была пропитана вся атмосфера Майдана. Этот вопрос постоянно присутствовал в ситуации конфликта, и еще долго будет присутствовать за всеми последующими событийными перипетиями. Вопрос стоит даже шире: ныне идет глубинный поиск цивилизационной идентичности “проекта будущего” перед вызовом все более глобализирующегося мира. Но вразумительного ответа на этот вызов пока нет, да и вряд ли он будет предложен кем-то в обозримом будущем. Его пока что не предложила ни западная, ни восточная цивилизации. Этот путь Украина будет искать для себя сама.

Тренд национальной идентичности

Стало общим местом в социальных науках положение, что национальная идея не может быть воплощена в каком-то документе или законе, а является “ежедневным плебисцитом” в плоскости кардинальных вопросов национальной идентичности: “позади – наследие славы и раскаяние, впереди – общая программа действия” (Э. Ренан). Ежедневный плебисцит – это постоянное обсуждение страной своих проблем и перспектив. Долгое время в Украине вместо общественного диалога практиковалась парочка политических ток-шоу, где специально отобранные политики спорили друг с другом с перерывом на рекламу. Временами это зрелище было просто захватывающим, но гнусным по

существо – оно не имело никакого отношения к диалогу власти и народа. Этот эрзац призван был растлить процесс формирования политической нации и подвести к выводу о несостоявшемся украинском государстве. Что можно говорить о народе, который не то что не имеет общей программы действий, но даже и не представляет себе, какой она должна быть? А эти ток-шоу регулярно подводили к выводу о бессмысленности политической трескотни.

Евромайдан перечеркнул эти домыслы в главном: гражданское общество показало, что оно переросло своих политиков – как представителей власти, так и “наказных атаманов” реестровой оппозиции. Не преуспев в процессе выработки “идентичности проекта будущего” – это еще предстоит сделать новым лидерам страны – гражданское общество берегло и приумножало тот морально-нравственный императив, который так удивлял зарубежных представителей СМИ. Обывателю, как доморощенному, так и европейскому, стало ясно, что за сотню долларов люди не пошли бы через пламя пылающих шин на смерть от пули наемных снайперов. Они шли отстаивать свою честь и достоинство. Именно поэтому сейчас их и пытаются ошельмовать, навешивая ярлыки “бандеровцев” и “фашистов”. Именно поэтому на востоке и юге Украины не утихает война национальных флагов, когда украинские символы государственности силовыми методами меняют на символы соседнего государства.

Национальные символы для украинцев в процессе становления как “идентичности сопротивления”, так и “идентичности проекта будущего” играют первостепеннейшую роль. Свидетельство этому – драматические события Евромайдана, когда ежедневно, а особенно в минуты силовых штурмов спецназовцев люди погибали под пение национального гимна. И это была не телевизионная картинка – на карту была поставлена жизнь своя, детей и их будущего.

Что нам скажет на этот счет социологический опрос, проведенный наиболее авторитетным в Украине Центром Разумкова в 2012 году, когда мы еще утешали свою душу обстановкой “стабильности”? На поставленный вопрос – “Как Вы относитесь к наведенным атрибутам независимого украинского государства?” – ответы “горжусь” или “отношусь положительно” были следующие (в порядке очередности): (1) флаг Украины – 37,9 % и 56,2 %; (2) Герб Украины – 29,9 % и 57,6 %; (3) Гимн Украины – 30,1 % и 52,2 %; (4) Украинская гривна – 22,8 % и 67 %; (5) Государственный украинский язык – 35,8 % и 54,7 %. То есть, для свыше 90 % украинских граждан национальные символы были или предметом гордости, или же к ним относились положительно. Не является ли это свидетельством видения украинской государственности как “своей”. И это в то время, когда в общественном мнении требовательность к государству на пути евроинтеграции постоянно возрастает, а социальная политика государства все чаще подвергается острой критике со стороны нарождающегося гражданского общества [20].

Ориентируясь на построение социально ответственного государства европейского типа, украинцы довольно трезво и взвешенно оценивают свои шансы и перспективы на пути евроинтеграции из-за массы нерешенных социально-экономических и политических проблем. Снова обратимся к социологическим опросам. На вопрос – “Является ли Украина европейским государством?” – утвердительно ответили “да”: 76,6 % – “в географическом смысле”; 58,3 % – “в историческом”; 41,9 % – “в культурном”; 23,6 % – “в политическом”; 17,1 % – “в социальном”; 12,7 % – “в экономическом”. То есть, население Украины отчетливо понимает, что для достижения социально-экономических, политических и культурных параметров, присущих современной Европе, нашей стране придется приложить немало сил и старания [21].

Тем не менее, нельзя не отметить, что и “оранжевая революция” 2004–2005, и Евромайдан 2013–2014 годов послужили большим толчком к преодолению

имперского прошлого, к переориентации на евроинтеграцию. Процесс этот еще предстоит осмыслить, но пока, лишь для иллюстрации (хотя на этом кто-то и попытается спекулировать), узнаваемым образом этого процесса преодоления прошлого может послужить хотя бы массовый демонтаж памятников Ленину. Конечно, все эти памятники (как и их демонтаж) всего лишь миф, но за этим мифом стоит такое весомое понятие как сплочение народа вокруг какого-то определенного символа. Евромайдан показал, что сегодня таким символом является не Ленин, а национальный гимн и флаг, а также флаг Европейского Союза. И это событие переломное, которое обозначает начало отсчета какого-то нового этапа – тревожного времени ожидания перемен. Ведь собрались люди для решения не столько идеологических, сколько своих насущных жизненных вопросов.

Уверен, что российскому читателю несложно вникнуть в сущность этих вопросов. Социологические опросы последних лет показывали, что и украинцев, и россиян, волновали, прежде всего, одни и те же социально-экономические проблемы. Наиболее важные из них – экономические. Однако, для украинцев эти проблемы были намного острее: разрыв составлял практически 30 %: на них акцентировало внимание 78 % украинцев и 48 % россиян. Острота экономических вопросов стала определяться уже в первые годы президентства Януковича. Если в марте 2010 года сразу же после президентских выборов 46 % украинцев надеялись, что их благосостояние будет улучшаться, то уже в декабре пошла полоса разочарований – цифра ожиданий сократилась до 16 %. Показательно, что в разрезе регионов показатели разочарований практически не отличались: ухудшения своего положения ожидали 26 % жителей запада-центра и 24 % жителей юго-востока [22].

Два года спустя ситуация не улучшилась. Летом 2012 года абсолютное большинство опрошенных (78, %) были уверены, что в Украине отсутствует равенство граждан перед законом, и лишь 14 % все еще верили, что это равенство существует “в основном”, а 3 % даже были уверены “в полном равенстве”. Впереди списка назревших проблем были: преодоление безработицы (59,3 %), преодоление кризиса в экономике, экономический рост (51,8 %), повышение общего уровня зарплат, пенсий, стипендий (51,5 %), снижение цен на продукты и товары первой необходимости (43,3 %) и т.д. (респонденты могли выбрать 10 наиболее значимых для них проблем). А вот идеологические вопросы были смещены в самый конец списка актуальных проблем. Так, если в 2004 году статус русского языка интересовал 8,9 % граждан, то в 2012 – 3,9 %. При этом в списке из 33 вопросов этот показатель оказался на 31 месте. Самыми незначимыми проблемами в списке оказались: “преодоление конфликта религиозных конфессий” (3,1 %) и “вступление Украины в НАТО” (2,9 %) [23].

В мае 2013 года обнажился еще ряд первостепенных проблем. По сравнению с сентябрем 2012 года, наиболее ощутимо выросло количество опрошенных, которые среди основных проблем страны выделили: коррупцию в государственных органах (с 37 до 51 %); низкий уровень производства (с 40 до 45 %); некомпетентность правительства (с 13 до 22 %); а также политическую нестабильность (с 16 до 21 %) [24].

Консолидация общества вокруг необходимости решения основных экономических и политико-правовых проблем современной Украины поставила в затруднительное положение те правящие группы, которые привыкли приумножать свои богатства и властные полномочия, прибегая к известной практике “разделяй и властвуй”. Диапазон маневрирования для них разительно сократился: и они попытались выискать линии общественного противостояния в гуманитарной сфере – играя на существующих отличиях отдельных регионов в сфере культуры, языка и исторического наследия. И к тому были определенные

предпосылки в состоянии общественного мнения и на них политтехнологи решили сыграть, разжигая отличия до уровня противостояния.

На опасность подобных манипуляций обращали внимание эксперты Центра Разумкова, стараясь вместе с тем дезавуировать их. Так, летом 2007 года они сформулировали постановку вопроса кардинально, можно даже сказать – с некоторым элементом провокации, для получения более контрастного, а не размытого ответа. Звучал он следующим образом: “Некоторые политологи и публицисты утверждают, что отличия культуры, языка, исторического наследия западных и восточных украинцев настолько велики, что их можно считать двумя разными народами. Согласны ли вы с этой мыслью?”. Ответы в целом по Украине были следующие: “целиком согласен” – 6,4 %; “скорее согласен” – 20,1 %; “скорее не согласен” – 34,5 %; “абсолютно не согласен” – 27,4 %; “сложно ответить” – 11,6 %. То есть, абсолютно или частично не согласных с тезисом о “двух разных народах” оказалось на уровне 62 %, что более чем в 2 раза превышало количество тех, которые тяготели считать “восточных” и “западных” украинцев двумя разными народами. В региональном разрезе удельный вес тех, кто считал украинцев единым народом, был следующим: “восток” – 56,2 %; “юг” – 58,3 %; “центр” – 65,7 %; “запад” – 68,4 %. А из этого следовало, что представители западных областей Украины, которых в последнее время так назойливо выставляли в роли русофобов и чуть ли не зоологических националистов, на деле были наиболее открытыми к принятию культурного разнообразия современной Украины [25].

Однако правящей власти казалось, что вот здесь-то и найдено наиболее слабое звено, которое можно разорвать и посеять, таким образом, рознь и противостояние среди украинцев. Именно шаблонные и примитивные клише о несовместимости мировоззрения “донецких” и “львовских” были до безобразия использованы во время спровоцированного властями гражданского противостояния зимой 2013–2014 годов на Евромайдане. Политтехнологи и подведомственные им закоперщики, пытавшиеся подавить в зародыше политическое пробуждение украинского народа, унижить его гордость и “загнать в стойло” не учли того, что чувство общности исторической судьбы и гражданского единства молодой Украины давно уже перешагнуло реликты “языкового вопроса”, присущего в известной степени для периода “идентичности сопротивления” первого десятилетия независимости Украины.

Замусоленная карта якобы “гонимого русского языка” оказалось битой в силу того, что новое поколение украинских миллениумов внесло в общество свежую струю толерантности к культурно-языковому своеобразию своих “Иных” граждан Украины. Так, в ходе опроса в мае 2013 года, был поставлен вопрос: “Что вы чувствуете, когда незнакомый человек обращается к вам на украинском/русском языке? Ответы были следующие: “мне это приятно” – 37,8 % на украинском и 15,4 % на русском; “ничего особенного не чувствую” – соответственно 59,4 % и 75,6 %; “мне это неприятно” – 1,2 % и 5,6 %; “трудно ответить” – 1,7 % и 3,5 %. То есть, для свыше 90 % граждан Украины “языкового вопроса” как такового не существует, и только для 1,2 % неприятно, когда к нему обращаются на украинском, и для 5,5 % некомфортно, когда к нему обращаются на русском. Как мне представляется, трудно найти в мире аналогичный уровень толерантности в языковом вопросе, как среди граждан Украины. На каком же основании строятся все эти пропагандистские ярлыки о “бандеровцах” и “экстремистах”? [26].

Тенденция к снижению остроты языкового вопроса определилась уже после “оранжевой революции”, когда вззошли первые всходы гражданского общества Украины. Тогда в 2006–2008 годах появился такой феномен как увеличение показателя “два родных языка” за счет уменьшения показателя “один родной

язык”. Тогда в мае 2006 года социологами был сформулирован вопрос: “Какой язык для вас есть родной?”. Ответы последовали следующие: украинский – 51,4 %, русский – 30,7 %, и украинский и русский – 15,6 %, другой язык 1,1 %, сложно ответить – 0,6 %. Однако уже два года спустя, в октябре 2008 года, полученные результаты значительно отличались: украинский – 43,7 %, русский – 26,0 %, и украинский и русский – 28,7 %, другой язык – 0,9 %, тяжело ответить – 0,7 %. То есть, только за два года количество тех, для которых оба языка – и украинский, и русский – стали одновременно восприниматься как родные, увеличилось на 13,1 %. Такая динамика, судя по всему, свидетельствовала о доминирующем тренде, который лишь набирал обороты в последующие годы [27].

Что уже говорить об активистах Евромайдана. Как свидетельствуют его участники, в течение трех месяцев на нем слышалась как русская, так и украинская речь, и далеко неизвестно чья чаще, хотя никто это и не пытался фиксировать: все были объединены одной целью – отстранить от власти криминальную клику. Но означает ли стремительная политизация текущего момента, что культурное разнообразие регионов Украины нивелируется или даже игнорируется в общественном мнении (речь, собственно, идет о нем, а не государственной политике, за неимением таковой). Вопреки всему каждый народ несет в себе громадный культурно-духовный и интеллектуальный потенциал, унаследованный от предшествующих поколений, и именно в этом культурном разнообразии и содержится неиспользованный до сих пор громадный потенциальный ресурс вхождения Украины в европейскую цивилизацию. Культурная традиция не является альтернативой гражданскому единству, а составляет его духовную сердцевину. В этом показателе динамика тренда особенно разительная – ведь речь о гуманитарной составной человеческого бытия, стремящейся к консервированию и тщательному отбору своего духовно-морального императива.

Итак, сравним показатели 2006 и 2007 годов (новейших исследований я просто не нашел), когда был задан вопрос: “К какой культурной традиции вы себя относите?”. Ответы были следующие: “к украинской” – 56,3 % в 2006 году и, соответственно, 57,9 % в 2007 г.; “к советской” – 16,4 % (19,4 %); “к русской” – 11,3 % (10,1 %); “к общеевропейской” – 6,6 % (6,4 %); “к другой” – 1,5 % (1 %); “сложно ответить” – 7,9 %; (5,2 % соответственно). Напрасно в этом процессе выискивать “перетягивания каната” в контексте “чья возьмет – украинская или русская традиция”. Резервом для пополнения “украинской традиции”, судя по всему, служит контингент так называемой “советской традиции”, который чахнет с уходом старшего поколения, а новый миллениум пополняет ряды “украинской традиции”. Последователи “советской традиции” в 2007 году составляли 30,8 % среди контингента “60 лет и старше”, и только 6,8 % в составе молодежи “18–29 лет”. Поэтому в старшей возрастной группе сторонников “украинской культурной традиции” было 52,4 %, а среди молодежи – 65,3 %. Удельный вес сторонников “русской культурной традиции” стабилизировался приблизительно на одном уровне: 9,5 % среди старшей возрастной группы и, соответственно, 9,7 % – среди молодежной. Однако о своей принадлежности к “общеевропейской культурной традиции” уже заявило 9,7 % молодежи и лишь 2,9 % людей пожилого возраста [28].

Были ли основания драматизировать отмеченные тренды как таковые, что якобы несут в себе угрозу раскола общества. Абсолютно никаких! На вопрос – “Какая культурная традиция будет преобладать в Украине в будущем (через 20–25 лет)?” – респонденты ответили (первый показатель – за 2006, а второй – 2007 год): “украинская” – 35,4 % и 37 %; “в разных регионах будут преобладать разные культурные традиции” – 21,7 % и 24,7 %; “общеевропейская” – 16,1 % и

17,8 %; “русская” – 2,1 % и 3,3 %; “советская” – 1,3 % и 2 %; “другая” – 1,3 % и 0,7 %; “сложно ответить” – 22,1 % и 14,6 %. Эти показатели свидетельствуют, что участники опроса не идентифицировали свою региональную (преимущественно русскоязычную) культурную традицию как “русскую”. Поэтому на Юге Украины в 2007 году перспективу для “региональной культурной традиции” видели 35 %, а для “русской” – 3 %. Соответственно на Востоке Украины – 31,3 % и 6,7 %; в Центре Украины – 19,2 % и 1,4 %. Даже в западном регионе, который сегодня так настойчиво изображают как “бандеровский” и сплошь “экстремистский”, в 2007 году верили, что будет преобладать украинская культурная традиция всего лишь 49 %; что в различных регионах будут свои традиции – 14,2 %; что “общеевропейская” – 22,5 %; а “российская” – 0,9 %. Все эти показатели зримо свидетельствовали о том, что на уровне гражданского общества, народной жизни, быта и традиций, в целом был достигнут общественный консенсус, который не давал никаких оснований для угрозы национального экстремизма [29].

На государственном уровне эту проблематику практически вывели из поля зрения. Министерство по делам национальностей, которое в свое время заложило неплохую законодательную базу, было реформировано в Комитет по делам национальностей, а потом, после череды реорганизаций, и тот был распущен. Проблемы национальных меньшинств вменили в обязанность малочисленному подразделению Министерства культуры Украины, которое было в состоянии разве что “сопровождать” стихийно развивающиеся процессы. Стоит ли удивляться, когда вот эта “стихия” была оседлана “казачками” – засланными и доморощенными, – которые всегда пребывали на глубокой периферии политических процессов, не набирая и необходимых 5 % для победы на выборах в Верховную Раду.

После президентских выборов 2010 года к власти пришли люди, которые в лучшем случае имели представление о том, как управлять производством и получать барыши, но, как показала практика, были абсолютно несведущи в управлении социальными процессами. Как следствие – социум был взорван, связь между гражданским обществом и властью была разрушена, и не нашлось необходимых институтов, которые могли бы развязать конфликт в зародыше, обуздав волну негодования. В итоге в стране обнажились три незавершенные процессы: “борьба за суверенитет, модернизация страны, формирование единой политической украинской нации” [30].

Предварительные итоги

Какую же общую характеристику можно предложить, оценивая все происшедшее в Украине? Известный российский публицист Анатолий Стреляный предлагает определять ее как *антикриминальную* и *национально-освободительную революцию*. Может быть и так. Однако, наверное, следовало бы повременить и подождать результатов дальнейших экономических и социально-политических преобразований в стране. В какую сторону они будут эволюционировать? Смущает то, что за полгода до Майдана 59 % украинцев считали, что в Украине в большей мере не хватает “сильной руки”, нежели “демократии” (26 %) [31].

Но и это еще полдела. Особенно заставляли усомниться в тяготении значительной части граждан Украины к демократии такие данные: 82,6 % респондентов согласились с тем, что лидеры “сильной руки” должны действовать исключительно в пределах закона, по принципу “закон – один для всех”, а 8,6 % убеждены, что такие лидеры не обязательно должны придерживаться действующих законов, если нужно достичь определенных целей. Еще не смогли определиться по этому вопросу 8,8 % респондентов [32].

Не факт, что претендент на “сильную руку” не появится и среди представителей Майдана. Хотя, конечно, феномен Майдана должен был внести кардинальные изменения и в общественное сознание народа. Пока что, судя по всему, следует подождать новых социологических замеров.

А пока воспримем Майдан не как революцию в ее классическом понимании – изменение общественно-политического строя, судя по всему, не предвидится. Скорее всего, это “морально-гражданская революция”, которая обязывает к преодолению имперского прошлого и наполнению лозунга “Украина – это Европа” конкретным практическим содержанием. Но уже сейчас можно констатировать, что украинское общество продемонстрировало высокий уровень консолидации вокруг европейских ценностей свободы и верховенства права. Евромайдан засвидетельствовал, что действенные изменения в политико-правовом устройстве страны невозможны без создания и последующей поддержки со стороны гражданского общества, в среде которого нарождаются зримые элементы партиципаторной политической культуры. Конечно, еще рано говорить о высоком уровне институциональных компетенций граждан. В то же время два фактора – право выбирать как неперемнная фундаментальная ценность, и масштабные гражданские движения – Рух 1991 года, “оранжевое” движение 2004 года и Евромайдан 2013–2014 годов – в определенной мере возмещали нехватку институциональных компетенций в общественном сознании высоким уровнем морально-духовных установок.

В конце декабря, с появлением Евромайдана на Майдане Незалежности в Киеве, стало ясно – гражданское общество заявило о себе как о весомом субъекте в общественной жизни Украины. Параметры этого феномена были замерены социологической службой Центра Разумкова в период с 21 по 25 декабря 2013 года. Они засвидетельствовали о том, что подавляющее большинство жителей всех макрорегионов (от 88 % на юге до 99 % на западе, а по Украине в целом – 95 %) воспринимают Украину как свою Родину. Более того, 84,5 % респондентов считают себя патриотами Украины (в западном регионе – 94 %, в центральном – 88,5 %, в восточном – 81 %, в южном – 72 %). Большинство граждан Украины отрицательно относятся к идеям федерального уклада (отрицательное отношение выразили 61 %, положительное – лишь 16 %). Еще ниже поддержку получили идеи отделения области (региона) от Украины и присоединения к другому государству (не поддерживают – 81 %, поддерживают – 6,5 %). Такое же отрицательное отношение фиксируется при прочих вариантах: создание независимого государства на основе юго-восточных областей Украины (соответственно 80 % и 6 %), отделение юго-восточных областей от Украины и присоединения к России (соответственно 80 % и 7,5 %), образование на территории нынешней Украины двух независимых государств – 1) на основе юго-восточных областей и 2) на основе западных и центральных областей (не поддерживают такую идею 77 % опрошенных, а поддерживают – 7 %).

Ставка на поддержку населением Украины сепаратизма выглядит совершенно призрачной. Согласно опросу, всего 5,5 % респондентов хотели бы, чтобы их область вышла из состава Украины и присоединилась к другому государству (такое желание выражают 2,5 % опрошенных в западном регионе, 0,5 % – в центральном, 9 % – в восточном, 13 – в южном регионе). При этом, 4,5 % респондентов хотели бы, чтобы их область вышла из состава Украины и создала свое независимое государство (такое желание выражают 3 % опрошенных в западном регионе, 1 % – в центральном, 5 % – в восточном, 13 % – в южном регионе). А в целом, 61 % участников опроса не считают, что между западными и восточными регионами Украины существуют настолько глубокие политические противоречия, языковые и культурные отличия, экономические диспропорции, что

в перспективе они могут разъединиться и (или) создать свое собственные государства, или же войти в состав различных других государств [33].

Таким образом, идея федерализации Украины не находит себе поддержки в общественном мнении страны. Наоборот – складывается консенсус на тот счет, что вопрос федерализации возникает тогда, когда у действующей власти земля уходит из-под ног. Федерализация в понимании украинцев – это перераспределение полномочий из центра в пользу губернаторов, где от его самоуправления будет страдать местное самоуправление и территориальные общины. Поэтому реальные проблемы сегодняшней децентрализации власти и управления, считают аналитики, не имеют ничего общего с федерализацией. Украина нуждается в системных изменениях в сторону перераспределения полномочий к местным территориальным общинам, где они могут быть максимально приближены к проблемам простого человека.

Но это пока на уровне ожиданий. На практике же осуществляется назначение наиболее крупных олигархов на пост губернаторов тех областей юго-востока страны, где федерализация де-факто уже произошла – Игорь Коломойский (Днепропетровская область), Сергей Тарута (Донецкая область), Владимир Немировский (Одесская область) и другие. В первую очередь это те регионы, где на практике в течение всего периода независимости Украины были созданы во многом отдельные экономические пространства. Значительная часть из этих регионов вообще не были интегрированы во всеукраинский рынок, поскольку они всецело зависят от экспорта. К тому же в них было создано собственное информационное пространство: свой набор определенных каналов, образовательных, культурных и других составляющих.

Остается надеяться, что эти назначения – дело временное. С одной стороны, в силу обстоятельств, только при помощи этих новых назначений олигархов удастся пресекать на корню сепаратистские тенденции. Но, с другой стороны, есть понимание того, что если децентрализация в сторону территориальных общин создает условия для малого и среднего бизнеса, то федерализация – для закрепления крупного капитала. Однако, что особенно важно в текущем моменте, это то, что крупнейшие бизнесмены впервые за всю историю независимости открыто выступили в защиту геополитических интересов Украины. И это вносит элемент оптимизма в час, когда нерушимость границ и территориальная целостность государства поставлена под вопрос. А это та “красная черта”, через которую преступить нельзя.

Х Х Х

Но возвратимся, однако, к метафоре Гоголя. Некоторые читатели спрашивали у меня – кого я имел в виду, упоминая “дикий хохот Басаврюка”. Отвечаю – никого конкретно, а лишь только образ Сатаны из повести “Вечер накануне Ивана Купала”. Об этом пишет сам Николай Васильевич: “никто другой, как сатана, принявший человеческий образ для того, чтобы открывать клады; а как клады не даются нечистым рукам, так вот он и приманивает к себе молодцев”. Вот только к этим молодцам тоже было неперемное условие: чтобы заклятые клады не уходили под землю, нужно было это место оросить кровью детей. Так и сделал гоголевский герой Петрусь – и пошли ему в руки мешки с червонцами. Да только жизнь не заладилась – заболел он душевной болезнью: “Бешенство овладевает им; как полоумный, грызет и кусает себе руки и в досаде рвет на себе волосы, покамест, утихнув, не упадет, будто в забыты, и после снова принимается припоминать, и снова бешенство, и снова мука... Что за напасть Божия?”

А в итоге и финал, образно переданный Гоголем: “Сбежались люди; принялись стучать; высадили дверь: хоть бы душа одна. Вся хата полна дыма, и посредине только, где стоял Петрусь, куча пеплу, от которого местами

поднимался еще пар. Кинулись к мешкам: одни битые черепки лежали вместо червонцев. Выпуча глаза и разинув рты, не смея пошевелить усом, стояли казаки, будто вкопанные в землю. Такой страх наваяло на них это диво”.

Однако, возвратимся в день сегодняшний. 22 февраля 2014 года по Киеву разнеслась весть – в поместье Януковича в Межигорье ни одного охранника, а потому надо воспользоваться шансом и посмотреть. Но охрана была – место “Беркута” заняла народная самооборона. Да и люди, очищенные огнем пылающего Майдана, не унизили свое человеческое достоинство мародерством. Даже автомобили ставили поодаль от дороги, дабы не мешать проезду другим.

А теперь слово журналистскому репортажу с места событий: “Там очередь – как в Мавзолей. Активист, взобравшись на колону забора и каким то образом умещаюсь на маленьком острове, руководит потоком людей. “Сними балаклаву! Давай, ты, что?!”, “По газонам не ходить, детей от себя не отпускать – могут быть мины”, “Страусу перья из задницы не вырывать – он уже научился кричать: “Зека геть!””.

Также звучит просьба озвучить свои предложения по дальнейшему использованию “мастка” – детский дом, санаторий, музей.

... Мы мчимся в город “встречать Тимошенко”. К Новым Петровцам и Межигорью тянется двухкилометровая вереница автомобилей. Люди не боясь подступающего вечера, продолжают ехать к мавзолею режиму Януковича”.

Вот такой финал... Майдан Независимости в ночь на 30 ноября 2013 года был орошен “Беркутом” кровью молодежи. А деньги Януковичу вот в руки и не пошли. А вы говорите – Гоголь!

Список использованных источников

1. *Ткаченко В. Н.* Феномен “внутренней колонизации” в украинско-российских отношениях (исторический аспект). – Политическая концептология, Ростов-на-Дону, № 4, 2013. – С. 186. 2. *Звонарь* Евромайдана: “Колокольным звоном прогнал тьму их душ людей”. – Доступно: <http://www.segodnya.ua/print/ukraine/zvonar-evromaydana-kolokolnym-zvonom-progonyal-tmu-iz-dush-ludey-483784.html> 3. *Главный* олигарх Украины призвал политиков не допустить возможного раскола страны. – Доступ: <http://www.regnum.ru/news/1745080.html> 4. *Якщо* криза в Україні поглибитися, то долю країни вирішать США, Росія і ЄС. – Доступно: http://www.razumkov.org.ua/ukr/print.php?lng=UKR&&news_id=45108&&address=expert 5. *Протести* в Україні: Ми дозволяємо Путіну перемоти // День. – 2014. – № 32–33. – 21–22 лютого. – С. 3. 6. *Про* “тріх бездіяльності” ЕС // День. – 2014, № 31. – 20 лютого. – С. 3. 7. *Мостовая Ю., Рахманін С.* Сгибаясь под ношей, ты увеличиваешь ее тяжесть // Зеркало недели. – 2014. – № 6(152). – 22–28 февраля. – С.1). 8. *Антикризисным* мерам правительства пророчат провал из-за недоверия народа. – Доступно: <http://rus.newsru.ua/ukraine/02may2009/geecz-print.html> 9. *Ермолаев А.* Украиной руководит корпорация. Государственные институты приватизированы” // Зеркало недели. – 2014. – № 4(150). – 8 февраля. – С.1, 14. 10. *Зальцберг Б.* Давос-2014: три способа изменить мир. – Доступ: <http://forbes.ua/opinions/1363796-davos-2014-tri-sposoba-izmenit-mir#print> 11. *Детальной* см.: Попель С. Падение рынка труда Украины: влияние демографических, социальных и экономических факторов. – Доступно: <http://dialogs.org.ua/ru/progect/page19237.html> 12. *Киевская* хроника. – Верховная Рада, Майдан, жертвы. – Доступно: http://lb.ua/news/2014/02/21/256418_hronika_kiev_21_fevralya.html 13. *Шишацкий:* к смене власти в Украине привела диктатура : Новости УНИАН. – Доступно: <http://www.unian.net/politics/889827-shishatskiy-k-smene-vlasti-v-ukraine-privela-diktatura.html> 14. *Євромайдан* підтримує 50 % українців, Антимайдан – 27 % / Українська правда. – Доступно: http://www.pravda.com.ua/news/2014/01/21/7010495/view_print/ 15. *Так* не доставайся ж ты никому! О спекуляциях на тему разделения Украины. – Доступ: <http://lenta.ru/articles/2014/01/25/seperated/> 16. *У Корзуна* – Андрей Илларионов / Украина в поисках идентичности. – Доступно: <http://marina-herriott.livejournal.com/523173.html> 17. *Звездный* десант // Фокус. – 2014. – № 10(373). – С.18. 18. *Так* не доставайся ж ты никому! О спекуляциях на тему разделения Украины. – Доступ: <http://lenta.ru/articles/2014/01/25/seperated/> 19. *Главный* олигарх Украины призвал политиков не допустить возможного раскола страны. – Доступ: <http://www.regnum.ru/news/1745080.html> 20. *Отитування:* Як Ви ставитесь до наведених атрибутів незалежної української держави? (динаміка

2011–2012) // Центр Разумкова. – Доступно: http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=779 21. *Отитування*: Чи є Україна європейською державою? // Центр Разумкова. – Доступно: http://razumkov.org.ua/ukr/print.php?lng=UKR&&poll_id=673&&address=poll 22. *ІФАК*: Матеріальні проблеми українців волнують сильніше, чем росіяни. – Доступно: <http://www.rosbalt.ru/ukraine/2011/01/19/810163.html> 23. *Статус* російського язика оказался на 31 месте среди приоритетов украинцев, НАТО – на 33-м. – Доступно: <http://zn.ua/article/print/SOCIETY/status-russkogo-yazyka> 24. *Некомпетентность* правительства волнует украинцев в 1,5 раза больше, чем полгода назад. – Доступно: <http://zn.ua/article/print/POLITICS/nekompentnost-pravitelstva> 25. *Отитування*: Деякі політики і публіцисти стверджують, що відмінності культури... Доступно: http://razumkov.org.ua/ukr/print.php?lng=UKR&&poll_id=7198&&address=poll 26. *Що* ви відчуваєте, коли незнайома людина звертається до вас українською/російською мовою? // Центр Разумкова. – Доступно: <http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll-id=896> 27. *Отитування*: Яка мова для вас є рідною (динаміка 2006–2008) // Центр Разумкова. – Доступно: http://razumkov.org.ua/ukr/poll_id=290 28. *Отитування*: До якої культурної традиції ви себе відносите? (динаміка 2006–2007) (регіональний, віковий розподіл за національністю). – Доступно: http://rasumkov.org.ua/ukr/print.php?lng=UKR&&poll_id=6938&&address=poll 29. *Отитування*: яка культурна традиція переважатиме в Україні в майбутньому (через 20–25 років)? (динаміка 2006–2007) (регіональний, віковий розподіл та розподіл за національністю). – Доступно: http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php&poll_id=700 30. *Революційна* ситуація в Україні спричинена відсутністю ефективних інститутів // Центр Разумкова. – Доступно: http://rasumkov.org.ua/ukr/point.php?lng=UKR&&news_id=4505&&address=expert 31. *Майже* 60 % українцям не вистачає “сильної руки”. – Доступно: <http://tyzden.ua/News/81347/PrintView> 32. *Каждий* четвертый считает, что ситуация в Украине ни на что не похожа (опрос) : Новости УНИАН. – Доступно: <http://www.unian.net/politics/805282-kajduiyu-chetvertiyu-schitaet-cto-situatsiya-v-ukraine-ni-na-cto-ne-pohoza-opros.html> 33. *95 % жителей* Украины считают ее Родиной – опрос. : Новости УНИАН. – Доступно: <http://religions.unian.net/religionssociety/892806-95-jiteley-ukrainyi-schitayut-ee-svoey-rodinoy-opros.html>

Василь Ткаченко

УКРАЇНА: ВИПРОБУВАННЯ МАЙДАНОМ

У статті аналізуються витоки, рушійні сили і громадянське протистояння в Україні, відоме як Євромайдан 2014 року.

Ключові слова: Євромайдан, Антимайдан, громадянське протистояння, євроінтеграція, міжнародні санкції, винуватець кровопролиття, ідентичність опору, ідентичність проекту майбутнього, “подвійна периферія”, “війна мільйонерів проти мільярдерів”, “Міленіум”, “родова” праця, “самозапрограмована” праця, “тітушки”, соціальний виняток, політика “сильної руки”, антикримінальна революція.

Vasyl Tkachenko

UKRAINE: TRIAL BY MAIDAN

The article analyzes the origins, the driving forces and for civil confrontation in Ukraine, known as Euromaydan 2014.

Key words: Euromaydan, Antimaydan, civil strife, European integration, international sanctions, the originator of bloodshed, the identity of resistance, identity project for the future, “double periphery”, “War of the millionaires against the billionaires”, “Millennium”, “generic” work, “self programmed” labor, “titushki”, social exclusion, the policy of “strong-arm”, anticriminal revolution.